

Скатившись вниз по семи-восьми ступеням, Ци Хань опёрся на пол, пошатываясь и на мгновение теряя связь с реальностью. Холодный пот слоями проступал на висках, и его лицо было мертвенно-бледным.

Очки разлетелись вдребезги, и металлическая цепочка с силой ударила по щеке, оставляя на ней алый след, из которого тонкой струйкой текла кровь.

Это выглядело, словно самое лёгкое наказание за ту жестокость, что он сотворил.

— Сяо Гэ... Сяо Гэ всё ещё ждёт меня... — его голос дрожал, пока он, пошатываясь, вставал на ноги. Встав, он тут же бросился вперёд. Только шагнул — как сразу же наткнулся на охранника, который успел подхватить его за плечи:

— Господин, у дверей кто-то... —

— Приготовьте машину, — резко оборвал его Ци Хань, не удаивая взглядом. Голос его дрожал от невыносимой спешки: — Сейчас же. Я должен найти его.

— Но, господин, у дверей молодой господин Гу ждёт уже давно, кажется, что это —

— Пусть катится! — в глазах Ци Ханя вспыхнула багровая ярость, но тут же сменилась на что-то беспомощное, почти жалкое: — Мне нужно найти моего Гэ...

Информационные феромоны с резким запахом белого колокольчика хлынули наружу вместе с его яростью, мощной волной захлестнув охранника. Тот моментально рухнул на пол, содрогаясь в конвульсиях и, поливая холодным потом, пятился назад.

Это был первый раз, когда он видел всемогущего председателя Ци в таком состоянии — разбитого, потерянного, словно дракон, у которого украли сокровище, и он, свернувшись кольцом, бессильно рыдал над пустотой.

— Хань-ге! Да подожди же ты! —

Чэнь Син пулей слетел вниз по лестнице, тяжело дыша и хватаясь за поручни:

— Братец, я понимаю, ты сейчас на взводе, но ты только вдумайся! Если всё в этом альбоме правда, то как объяснить, что через месяц после того, как ты отдал черновики Фу Гэ, “Чжункэ Фармасьютикл” выпустила новый ингибитор? Чем они занимались предыдущие четыре года, а?

Он выдохнул и с досадой выругался:

— Я не хочу ничего такого говорить, но последняя формула была только у тебя. Никто, кроме Фу Гэ, не мог это слить. Разве что... после того, как ты передал ему черновики, произошло что-то ещё...

Слова застряли в горле, когда он увидел, как резко сузились зрачки Ци Ханя.

— Что-то ещё... — глухо повторил тот, вспомнив первую неделю после того, как Фу Гэ вернул ему черновики.

Тогда в его дом внезапно ворвались, но воришка был схвачен на месте. Это оказался его университетский приятель, Лю Жуй. Оба участвовали в одном и том же соревновании по моделированию, и, боясь проиграть, Лю Жуй решил проникнуть в его дом и уничтожить проект.

Чэнь Син побледнел как полотно:

— Не может быть... Я имею в виду, может быть...

— Он пришёл не ради того, чтобы разбить модели, — Ци Хань медленно поднял глаза, словно вдруг увидел всю правду. Голос его прозвучал глухо, как эхо в пустой комнате: — Это было всего лишь прикрытие чтобы украсть черновики.

С отчётливым хлопком альбом выскользнул из его ослабевших пальцев и упал на пол. Ци Хань судорожно закрыл лицо руками, и из пересохшего горла вырвался хриплый приказ:

— Проверь.

Спустя полминуты Чэнь Син уже говорил по телефону:

— Алло, начальник Ван? Это Чэнь Син. Мне нужна ваша помощь: проверьте, пожалуйста, одного моего университетского знакомого, Лю Жуйя. Пять лет назад он вломился в дом и устроил погром. По идее, должно было остаться досье... Что? Досье... стёрли на следующий день?

Слова повисли в воздухе, и оба одновременно подняли глаза, встречаясь взглядами. В их зрачках читалось одинаковое ошеломление.

— Кто это замаял? — спросил Ци Хань, и голос его был слишком тихим, слишком спокойным.

— Фу Лин... — ответил Чэнь Син, сглатывая. — Дворецкий Фу Чжэньина...

Эти несколько слов ударили сильнее грома среди ясного неба.

— Это он натравил Лю Жуя... — губы Ци Ханя дрожали, и в кровавых прожилках его глаз застыло потрясение. Зрачки то расширялись, то сужались, отражая панику, смешанную с недоверием и болью.

Я сам отдал черновики...

— Это не имеет никакого отношения к Сяо Гэ... Абсолютно никакого... — голос Ци Ханя дрожал, а слова срывались с его губ в бессильном отчаянии.

— Четырнадцать дней я пытал его из-за собственной ошибки...

Он наконец-то понял, почему тогда, как бы он ни давил и не пытал, Фу Гэ не мог рассказать ни единой детали о том, как передал черновики отцу.

Потому что Ци Хань был слишком уверен, что ошибка не в нём. Потому что даже Фу Гэ тогда считал, что это он виноват в потере черновиков.

Тогда он был доведён до полного изнеможения. Ноги широко раздвинуты, сведённые судорогами мышцы болели так, что казалось, вот-вот разорвутся. Он рыдал так, будто лёгкие вот-вот вылетят наружу, но за всё это время не сказал ни разу: «Не надо» или «Отпусти».

Он только крепко держал руку Ци Ханя, сбивчиво бормоча:

— Прости... Я не хотел... А-Хань, прости...

Узнав правду о преступлении своего отца, поняв, что его любимого в детстве так жестоко ломали, Фу Гэ в тот момент будто застыл между болью и полной растерянностью.

Но Ци Хань не дал ему ни малейшего шанса объясниться. Виновность была свалена на него разом, без разбора.

Он поднял затуманенные глаза на Чэнь Сина, и в этом взгляде не было ничего, кроме пустоты:

— Ты... тебе не кажется это смешным? Я своими ошибками сделал его жизнь хуже смерти... и всё равно заставил его умолять меня о прощении... Я ещё и заставил его умолять меня.

С того самого кошмара, что случился, когда ему было четырнадцать, он так и не смог взять под контроль свои периоды восприимчивости. Психика его разлетелась на куски: буйная агрессия, приступы безумия, полное отсутствие контроля.

Увидев Фу Гэ рядом с Фу Чжэньином, поверив в правдивость этой лжи и получив подтверждение в виде нового ингибитора от «Чжункэ Фармасьютикл», Ци Хань окончательно слетел с катушек. С того самого дня его разум трещал по швам, утягивая за собой остатки здравомыслия.

Даже сам он не мог вспомнить всех деталей тех четырнадцати дней: что говорил, что делал — всё расплывалось в тумане неконтролируемого безумия.

И поэтому вот уже пять лет, каждую ночь, когда кошмары возвращались, он видел перед собой только одно: как маленький бета, скованный цепями и подвешенный на кровати, смотрел на него мёртвыми, потускневшими глазами.

— За что ты так со мной... Что я сделал не так...

Да... Что он сделал не так?

Ци Хань судорожно сжал руки. Он ошибся лишь в одном: в том, что встретил меня. Семнадцатилетний Ци Хань и двадцатитрёхлетний господин — две вспышки света в его жизни, которые, без исключений, разрушили все его верования и оставили после себя лишь руины.

Ци Хань даже не понял, как оказался в машине. Его ноги, обутое в дорожные ботинки, словно ступали по раскалённому металлу. Грудь сжималась от боли, и каждый вдох был похож на укол сотен мелких игл в ноздри.

Чэнь Син, глядя на него, не выдержал и полез в машину следом. Он ещё не успел закрыть дверь, как вдалеке мелькнула фигура. Охранник коротко бросил:

— Это тот самый молодой господин Гу, который ждал в вестибюле целый день.

Лицо Ци Ханя было холодным и непроницаемым, как гладь замёрзшего озера. Он молчал.

Чэнь Син тяжело вздохнул и, нахмурившись, спросил:

— Какой именно молодой господин Гу?

— Наследник семьи Гу, — пояснил охранник.

— А! — Чэнь Син вдруг понял и хлопнул себя по лбу. Он повернулся к Ци Ханю, пытаясь найти в его взгляде хоть какую-то реакцию:

— Так это тот самый Гу, который вчера на собрании получил от тебя запрет на фарму на пять

лет! Так значит, старый Гу не смог, и теперь сына прислал унижаться?

Ци Хань даже не шевельнулся, лишь отклонился назад и приказал:

— Едем.

Но стоило двери начать закрываться, как Гу Линь с безумной решимостью рванулся вперёд и, словно ошпаренный, вцепился в неё. Тяжёлая дверь сомкнулась, прищемив его пальцы, и он тут же завыл от боли, но не отпустил.

— Чёрт побери! Это ещё что за сумасшедший? — Чэнь Син резко обернулся и заорал на водителя: — Тормози, мать твою! Ты что, не слышишь?!

Гу Линь, дрожа и скуля от боли, прижимал искалеченные пальцы к груди, но, увидев Ци Ханя, мгновенно рухнул на колени.

— Президент Ци! Всё что произошло, это моя вина! Это я был идиотом, мне снесло башку, я не мог стерпеть, что ты влез в семью Фу, поэтому я... я... это я сфотографировал Фу Гэ в той гостинице, но это не имеет никакого отношения ни к моей семье, ни к моему отцу!

— Фотографии Фу Гэ в постели? — голос Ци Ханя прозвучал ледяным эхом, обрушившимся на всех в машине.

Глаза Ци Ханя сузились, и его феромоны, острые и ледяные, как лезвия, молниеносно обрушились на Гу Линя. Низкий голос альфы, ползущий морозом под кожу, прозвучал как приговор:

— Значит, это ты сделал ту фотографию?

Он выскочил из машины и, прежде чем кто-либо успел моргнуть, вцепился в воротник Гу Линя, швырнув его всем телом на дверцу. Пальцы Ци Ханя сомкнулись на его шее, давя так сильно, что суставы белели:

— Тот альфа на снимке, тот, кто был с ним, тот, чьё лицо не видно... это был ты? Ты его трахнул? Ты подсыпал ему что-то?

— Н-нет... Я не... — Гу Линь захрипел, глаза закатились, ноги конвульсивно дёргались в воздухе. В голове у него всё смешалось: неужели Ци Хань до сих пор не знал, что это был он? Чёрт возьми, он же специально явился, как только увидел, что те двое снова вместе, чтобы покаяться.

— Н-нет... нет... — он задыхался, барабанил по руке, сдавливающей его горло. — Никаких...

никаких наркотиков... мы даже не... не спали...

Ци Хань глубоко вдохнул, затем с силой отпустил его, отшвырнув в сторону.

Гу Линь закашлялся, хватая ртом воздух и, как только пришёл в себя, тут же выпрямился, прижимая к себе покалеченные пальцы:

— Председатель Ци! Брат Ци! Клянусь, я не прикасался к нему! Я просто не мог смотреть на то, как вы собираетесь жениться на Фу Гэ и войти в семью Фу, вот и воспользовался моментом, когда он напился в баре. Я просто затащил его наверх и сделал пару фотографий, чтобы выбесить вас...

Не спал с ним. Даже эти чёртовы фотографии — и те из-за меня...

Ци Хань криво усмехнулся, и от этого оскала всё внутри свело. В памяти вдруг всплыл образ Сяо Гэ, испуганного, растерянного, с побелевшими губами и дрожащими пальцами, когда тот увидел эти снимки.

— Он тогда... Знал об этом? — хрипло спросил он, голос почти сорвался.

— Конечно, не знал! — Гу Линь, испуганно хлопая ресницами, нервно тербил затылок.

— Я ведь и сам с семьёй Фу связываться не хочу! Ладно, ладно, я признаю, что поступил как мразь, но, ей-богу, я не настолько отбитый, чтобы реально обидеть его... да и... потом, когда его действительно пытались... ну... — он запнулся, кашлянул, отводя взгляд, — я ведь помог ему, выручил его, так что, считай, мои грехи смыты, да?

— Ты... помог ему? — голос Ци Ханя сорвался на хрип, и в глазах его вспыхнул леденящий огонь.

Гу Линь, не замечая опасности, всё так же беспечно бормотал:

— Ну да! Я ведь тогда увидел, как его начали цеплять какие-то типы, вот и влез. Не мог же я стоять и смотреть, как его прессуют. Ну, вы же понимаете...

Понимал ли он? Ци Хань только криво усмехнулся. Его пальцы дрожали, но он не мог понять — от ярости или от того, что сердце будто пропускало удары, отчаянно пытаясь найти хоть что-то, за что можно было бы уцепиться в этом бесконечном падении.

— Ты что сказал?! —

Ци Хань резко поднял голову, и в его взгляде было столько холодной ярости, что казалось, он мог бы проткнуть Гу Линя насквозь.

— Его кто-то обижал?

— Ха? — Гу Линь уставился на него так, словно не верил своим ушам. — А кто, по-твоему, это сделал, а? Ты, что ли, уже забыл?

Он закатил глаза так, что стало видно одно лишь белое, и хотя страх перед Ци Ханем буквально душил его, в груди всё равно полыхало нестерпимое желание высказать всё, что копилось годами.

— Ладно, я не образец добродетели, но ты, сука, просто гнильё! Стоило семье Фу рухнуть, как ты тут же вытащил Фу Гэ на посмешище, велел ему угождать клиентам, когда ему было всего восемнадцать, восемнадцать, мать твою! Он был твоим грёбаным женихом! Как у тебя, мрази, рука поднялась?!

Слова оборвались глухим звуком удара: кулак Ци Ханя впился в лицо Гу Линя так, что тот едва не сломал себе челюсть. В следующий миг он уже лежал на полу, а Ци Хань навис над ним, впиваясь горящими кровавым светом глазами, словно обезумевший зверь. Вены на висках пульсировали, а в голосе было столько бешенства, что казалось, он вот-вот разорвёт его на куски:

— Повтори. Повтори, что ты сейчас сказал! Какого чёрта значит, что я заставил его развлекать гостей?!

— Да я не боюсь тебя, гнида! — Гу Линь сплюнул кровь, но даже не успел отдышаться, как получил ещё один удар, на этот раз в живот. Боль обожгла внутренности, но вместо того чтобы отступить, он резко дёрнул Ци Ханя за воротник, повалив его на пол. Теперь уже сам навис над ним, всаживая кулаки с такой яростью, будто хотел пробить его насквозь:

— Ты, сука, мерзавец! Сначала разорил его семью, а потом потащил его, восемнадцатилетнего, вонючим жирным старикам на растерзание! Ты прекрасно знал, что он не станет подливать им выпивку, но всё равно оставил его там, знал, что они оскорбятся, знал, что отыграются, и всё равно бросил его в пасть этим шакалам! Ты хоть представляешь, как он орал, когда его волокли в переулок?!

Последний удар был таким сильным, что Ци Ханю на мгновение показалось, будто он теряет сознание. Лицо ныло, в ушах звенело, но в голове стучала только одна мысль: Сяо Гэ... кричал? В переулке?

— Если бы я не пришёл вовремя, его бы там изнасиловали, ты понимаешь, нет?! Это же была белая луна всей нашей школы, понимаешь?! За ним бегали с первого по третий курс, и я... я любил его больше трёх лет! И как он только мог влюбиться в такую тварь, как ты, Ци Хань?! Я

твою мать...! — взревел Гу Линь, в очередной раз обрушивая кулак на лицо Ци Ханя.

Ци Хань не защищался. Он лежал, уставившись в одну точку, и не чувствовал ничего, кроме медленно расплзающегося по груди холода.

В горле стоял ком, слёзы ползли по вискам, и даже боль от ударов не могла затмить ту, что разрывала сердце.

На миг потемневшее небо над головой распалось на куски, и сквозь образовавшуюся трещину, как сквозь открытую дверь в ад, Ци Хань увидел последние дни Фу Гэ.

Приговор Фу Чжэньина был вынесен, старая месть наконец получила свою цену, и казалось бы, всё должно было закончиться. Ци Хань сорвал цепи с запястий маленького беты и, глядя в его опустошённые глаза, холодно спросил:

— Чего ты хочешь напоследок? Мы ведь были мужем и женой. Могу исполнить любое желание, если оно несложное.

Фу Гэ уже не мог говорить — горло было сорвано до крови. Он только обмакнул палец в воду и медленно вывел на столе:

— Я хочу увидеть его.

Его — разумеется, Фу Чжэньина.

Ци Хань согласился, но с одним условием: Фу Гэ должен был пойти с ним на ужин. Он уже выяснил, что любовник Фу Гэ будет среди приглашённых. Хотел устроить засаду и вытянуть мерзавца на чистую воду, но слова, что сорвались с его губ, были до омерзения жестокими:

— Позаботься о своём любовнике как следует, и я позволю тебе увидеть отца.

Фу Гэ тогда замер, и даже несмотря на то, что все чувства в нём давно атрофировались от боли, взгляд его был полон такой безысходной ненависти и горькой насмешки, что Ци Ханю хотелось стереть эту гримасу раз и навсегда.

Он понимал, что Фу Гэ принял это за прямое требование сопровождать гостей, но не стал объяснять. Напротив, намеренно подливал масла в огонь, надеясь выманить любовника.

Прошло уже три круга выпивки, но никто к Фу Гэ так и не подошёл. Бета только что успел налить бокал соседу, когда Ци Хань, не выдержав, резко поднялся и, схватив его за руку, выволок из зала.

Он сказал, что выйдет на минуту за сигаретами. Когда вернулся — Фу Гэ уже не было.

Телефон не отвечал, на зов он тоже не откликался. Ци Хань в ярости решил, что маленький бета сбежал, и вызвал охрану — приказал перерыть всё здание и притащить его обратно.

Но спустя каких-то пять минут Фу Гэ сам вернулся.

Ци Хань до сих пор помнил, как тот тогда выглядел: одежда помята и кое-где разорвана, глаза покраснели от слёз, а тело было пропитано чужими феромонами альфы, от которых хотелось рвать и метать. Фу Гэ дрожал так сильно, что едва держался на ногах, но всё равно, задыхаясь от рыданий, бросился ему в объятия.

А Ци Хань тогда подумал, что тот сбежал к любовнику.

Если бы только я мог порвать этого альфу на куски... Воспоминания хлестали по нервам раскалёнными плетьюми. Бесконечные пики восприимчивости сводили с ума, и стоило ему заметить засос на шее Фу Гэ, как весь мир утонул в багровой дымке ярости.

Не сказав ни слова, он снова вцепился в маленького бету и, игнорируя судорожные всхлипы и сдавленные просьбы, силой затащил его в машину.

Только теперь, спустя столько лет, Ци Хань наконец понял, почему тогда Фу Гэ так отчаянно плакал.

Потому что тот, кого он любил больше жизни, собственными руками привёл его прямо в лапы палачей.

Той ночью последняя искорка надежды в глазах Фу Гэ угасла окончательно. Он больше не плакал, не сопротивлялся — лишь обмяк в руках Ци Ханя.

Ци Хань прижимал его к себе, казалось бы, нежно, но голос его был пропитан такой леденящей ненавистью, что мороз пробежал по коже:

— Сделка отменяется.

— Когда твой отец убивал моего, он не дал мне возможности увидеть его в последний раз. Почему я должен делать это для тебя?

Фу Гэ медленно поднял глаза, глядя на него словно сквозь туман, не пытаясь сопротивляться, не пытаясь спорить. Слова Ци Ханя обрушивались на него, словно куски льда, разрывая остатки души:

— Ты больше никогда не увидишь его. Фу Чжэньина приговорили к смертной казни.

Именно тогда Фу Гэ произнёс свои последние слова.

Он приподнялся, подцепил губами кольцо, что висело на цепочке у Ци Ханя на шее, и, поймав бриллиант острыми краями, с силой полоснул себя по шее.

Тёплая кровь хлынула горячей волной, окатив лицо Ци Ханя. На мгновение всё застыло — и в эту ледяную тишину прорвался надтреснутый голос:

— Я никогда тебя не прощу...

Ци Хань тогда даже не понял, что закричал. Всё, что он чувствовал, было похоже на разрыв арты, когда каждый вдох словно пропитывался кровью.

Ещё один удар пришёлся точно в правый глаз, и тёплая вязкая жидкость сразу залила щеку. Гу Линь продолжал бить, снова и снова, но Ци Хань будто не замечал.

Раскаяние впивалось в плоть, как паразит, разъедая каждый нерв, каждую клетку. Эту боль нельзя было вытравить. Её нельзя было ни заглушить, ни стереть.

И в этот момент, как сквозь вату, в ушах прозвенел пронзительный звук телефона. Ци Хань не сразу понял, откуда он, но голос на том конце провода был слишком громким, слишком отчаянным:

— Господин! Молодой господин Фу потерял сознание!

<http://bllate.org/book/14453/1278309>